

Ирина Наличкикова

ЕЩЁ НЕ ПОЗДНО

Рассказ-быль

– Да забей ты на них! Тоже мне – нашла из-за чего переживать. – Лариска беззастенчиво суежилась на чужой кухне, как дома: разливала по рюмкам спиртное, небрежно кромсала всякую всячину на закуску. – Можно подумать, все вокруг святые. Бабки, конечно, жалко. Да ладно – муж-то тебе подкидывает прилично каждый месяц. А вообще не молчи, расскажи ему про дочку-то, как она тебя подвела под монастырь – чего ее жалеть?

– Так-то оно так... – согласилась собутыльница, опрокидывая в паузе рюмку с пойлом в жаждущее нутро. В следующий момент голос её дрогнул – то ли пьяную слезу проглотила, то ли водка не так пошла. – Но, может, и вправду я что-то не так делаю... Вон собака – и та хочет, чтоб ее пожалели...

Не вступая в разговоры, Лариска, опохмелившись, быстро ретировалась, – что-то подружка больно невесела сегодня. А хозяйка квартиры впала то ли в сон, то ли в тяжкое забытье...

...Непрекращающийся звонок и грохот в дверь выдернули Нэлю из похмельной дремоты. Она глянула на часы – время к обеду, скоро должна прийти из школы дочь, надо хоть как-то привести себя в порядок. Во рту после утреннего стопарика сухо и противно. Глотнула на ходу воды из-под крана и, шаркая стоптанными тапками, побрела в прихожую, по пути бормоча: «Ну кто там еще? Что опять от меня нужно?». Ключнул замок, и в прихожую буквально ввалилась зареванная Малика:

– Теть Нэ-э-э-ль! Аська на крыше! Изюм бегаёт в моем подъезде, воет и лает, зовет наверх! Скорее! Она точно там! Я боюсь ее спугнуть, да и не под силу мне ее удержать!

– Удержать от чего?.. На какой такой крыше? Ты о чем? Аська на занятиях, скоро должна прийти... Ты чего?! Да не вопи ты!!! Скажи толком!!! – вмиг протрезвела мать и, оттолкнув девочку, огромными скачками понеслась в соседний подъезд...

...Ася была желанным ребенком в семье заслуженных спортсменов: отец Павел – волейболист, мать Нэлли – рекордсменка в беге с препятствиями. При чем в своем виде спорта она установила мировой рекорд, который, кстати, не переплонула даже олимпийская чемпионка. В 90-х как перспективной молодой семье государство выделило им двухкомнатную квартиру в одной из алматинских многоэтажек.

К моменту появления на свет долгожданного ребенка оба уже ушли на тренерскую работу, причем отец пестовал республиканскую сборную, так что вопросы достатка эту ячейку общества волновали мало. «Мама, папа, я – спортивная семья» выглядела более чем достойно: высокие доходы, упакованная квартира в хорошем районе, импортная машина, собачка редкой породы мопс по кличке Изюм, добротная дача в полчасе езды от города. В общем, есть чему завидовать. И имя дочке выбрали не абы какое – гордое Аксинья, а по-домашнему – Ася. Пусть все дивятся еще и родительской фантазии.

После выхода из декрета Нэлли стала тяготиться тренерской работой и изъедать себя размышлениями о том, почему ее непобитый мировой рекорд остался в тени, а все лавры достались и продолжают доставаться сопернице. В этих мыслях она провела несколько лет, за которые ее тренерская работа не увенчалась особым успехом. Она стала много курить, выпивать с товарками, что не только жрали-пили на халяву, но и умело подогревали разгоряченную спиртным разрушительную работу уязвленного самолюбия. На дочь внимания мать обращала мало, лишь иногда расчесывала ее спутавшиеся пепельно-русые волосы и заплетала в две знатные косы. Муж, видя, как опустилась и подурнела супружница, быстро нашел утешение на стороне и самоустранился от проблем семьи. Тем более что подросшая дочка была диковата, а к моменту начала школьной жизни стала еще и достаточно крупным ребенком – наследственность и привычка заедать стресс и невнимание родителей сделали свое дело.

– Брось эту гадость!!! – крик на весь супермаркет и одновременный звук звонкого шлепка привлекли внимание окружающих к неприглядной сцене: пухленькая девочка-подросток с роскошными косами стояла, потупившись, залившись краской, растирала тыльную сторону ладони. Под ее ногами валялся шоколадный батончик. – Сколько раз говорить – тебе это вредно! Сколько можно жрать?! И так жирная! Ты только посмотри на себя! – не унималась мать.

И покупатели, и работники магазина все как один отвернулись – будто прикоснулись к чему-то постыдному, интимному. Никто не посмел сделать замечание разъяренной женщине. Да и вправду – девчонка полновата, куда уж ей шоколадный батончик. Тем более матери-то видней...

Из престижной гимназии домой Ася, в отличие от одноклассниц, всегда ходила в одиночестве и окольными путями – по задворкам, между сараями, палисадниками и гаражами старого района двухэтажек. Почему одна? Да потому что унижений и издевательств ей за глаза хватало и во время перемен между занятиями. А так можно было не спеша предаться мечтам, не торопясь рассмотреть все самое интересное вокруг – в глухих закоулках не надо опускать взгляд, прятаться от указующих перстов сверстников и гогочущих преследователей. Не было у нее в школе друзей, не было... Соклассники сразу избрали ее объектом для насмешек, часто подстраивали унижительные каверзы – то стул измажут, то прилепят на спину рисунок поросенка, то залепят в волосы жвачку, то еще что-нибудь придумают. По доброте душевной Ася никому не давала сдачи, не отвечала злом на обидные проделки. Учителя, конечно, видели, что не всё ладно, но не вмешивались, так как ничего страшного, по их мнению, пока не происходило – обычные детские проказы...

Домой после занятий Ася не торопилась. Зачем? Чтобы получить очередную порцию холодного презрения или ругань от матери? Та по привычке не особо обращала на дочь внимания – всё больше с подружками за «рюмочкой чая» время проводила. Даже не удосужилась просветить рано созревшую девочку о грядущих в ее организме естественных изменениях – одиннадцатилетней Асе пришлось с этим справляться самой. В это же время она округлилась, но, стесняясь, старалась утянуть грудь и одевалась по большей части спортивно. Отец появлялся лишь изредка, но и ему дочка ничего о себе не рассказывала. Да он и не спрашивал: пряча глаза, оставлял на комодке деньги и спешно возвращался в другую жизнь.

Зато Изюм – старый верный друг – каждый день ждал ее с нетерпением, встречал хозяйку, радостно поскуливая и неуклюже виляя бубликом, влажно глядел печальными глазами-маслинами, будто понимая ее боль, утешительно лизал ласковые руки, беззвучно говорил: «Ничего, всё образуется, не печалься, мы же вместе». Пусть и с больными суставами, а гулять со своей маленькой хозяйкой он очень любил – в какие только глухие неизведанные места они не забредали. Там для любого пса есть свежая собачья почта – важное и неведомое людям удовольствие. А для Аси эти прогулки – возможность побыть наедине с собой, рассказать Изюму, когда он начитается «подписей соплеменников» и расположится возле ее ног, как прошел день, о чем она думает, о чем мечтает.

– Как думаешь, Изюм, будет когда-нибудь всё по-другому? Вот бы задружиться мне с одноклассниками... Правда, я толстая – не чета другим девочкам-стройняшкам. Ну не могу я совладать с собой – жру эти бургеры и конфеты как подорванная. Но ведь не это ж главное, правда? Вот и ты у нас толстячок, а какой добряк и симпатяга...

Верный друг, несмотря на свой почтенный возраст, казалось, понимал подростковые проблемы хозяйки, всем своим видом выражал готовность отдать за нее, если понадобится, и всю свою собачью жизнь. Но собака – это хорошо. А человеку жить среди людей...

Во дворе Ася общалась только с малышняй – ребятишками на три-четыре года младше. Ровесники и здесь ее не признавали за равную, числили «недоразвитой», обижали, кто в силу врожденной злобы, кто за компанию. А с малышами проще. Особенно она сдружилась с девчушкой из соседнего подъезда – её звали Малика – необыкновенно доброй и умной, в противовес Асе, маленькой и худенькой, да еще в очках. Объединяло подружек еще и то, что обе росли без отца. Была у девочек и своя маленькая тайна: в подъезде, где жила Малика, был единственный во всей высотке открытый выход на крышу, о котором почти никто не знал. Там подружки иногда уединялись посекретничать о своем девичьем, но к парапету никогда не подходили – страшно и опасно! Так вот эта малышка Малика спуску не давала никому и не раз бесстрашно становилась на защиту своей подруги. Особенно доставалось от нее наглому Борису – ровеснику Аси, рано созревшему подростку. Он не прочь был поиздеваться над пухлой девицей: когда дернуть за шикарную косу, а когда и ущипнуть ее в укромном месте за мягкие выпуклости – смотря по настроению. Борька слыл во дворе заводилой небезобидных шалостей и разных пакостей, но при этом всегда умудрялся оставаться в стороне при разборе полетов.

– Бори-и-и-ис! Борю-ю-сик!!! – периодически на весь двор раздавался зычный женский зов с балкона второго этажа. – Ты где, Боречка?!

– Я здесь, няня! – опрометью выскакивал из темного угла, где в тот момент учил курить малышкой, подросток и мчался под балкон для отчета.

– У тебя все нормально, Борюсик? Ты не проголодался? Что-то ты запыхался и красный! Ты не перегрелся? Тебя никто не обижает? – беспокоится бабушка.

– Нет-нет, няня, все нормально...

Но если за свои каверзы Борька получал люлей от сверстников, раздавалась «сирена» на весь двор: «Няня-а-а-а-а! Ня-а-а-аня-я! Они... Они...» Тут уж бабушка мчалась на всех парах во двор и, если пацаны не успевали ретироваться, доставалось им по полной программе за любимого и неприкасаемого внука. Пакоствника, непрерывно целуя и оглаживая, уводили домой, умывали, жалели, кормили, давали денег на мороженое и вновь отпускали гулять под бдительным присмотром.

В тот год, когда Асе исполнилось двенадцать, во дворе обустроили новую детскую площадку. Да не просто малышне, а детям всех возрастов здесь нашелся подходящий уголок – и горки, и карусель, и качели, и рукоходы, и турники, и много чего другого для досуга. Более детишек радовались их родители – сиди себе в тени на скамеечке, уткнувшись в смартфон, пока чадо скачет на лошадке или копается в песочнице.

Но недолгой была радость. Сентябрьским вечером, когда вся малышня уже разошлась по домам, ватага подростков по обыкновению отдыхала на площадке. Скучно, заняться нечем, гаджеты надоели, постебаться не над кем. Но вот и удача – с прихрамывающим Изюмом с прогулки возвращается местная жирдяйка.

– Эй, Аська! Иди сюда! – окликнул девочку Борька, повернулся к подросткам, что-то тихо сказал, все одобрительно заржали. Вначале обрадованная неожиданным вниманием сверстников, Ася насторожилась: только сегодня одноклассники в очередной раз зло подшутили над ней в столовой – сначала подозвали, а потом облили волосы чаем. Она стояла мокрая, в ступоре, и только одна мысль билась в ее голове: «Что я им сделала?». – Да иди, иди сюда, не бойся. Мы тут кое-что придумали... У тебя же, говорят, родители знаменитые спортсмены, а мать так вообще чемпионка по бегу с барьерами? Да же? Давай прям сейчас устроим соревнования. Ты ж знаешь, как это? Барьеров тут вроде хватает...

В этот вечер по подсказке Борьки подростки раскурочили детскую площадку. Бег по кругу через препятствия очень скоро перешел в оголтелый погром лошадок и каруселек, горок и песочниц. Ася прыгнула всего пару раз, а когда увидела, во что превращаются «соревнования», остановилась в недоумении в углу площадки – осатаневшие подростки во главе с Борькой ломали и крушили с разбегу всё, что попадалось на пути. Изюм в страхе прижался к ногам хозяйки.

...Когда пожилой сосед остановил разгулявшихся вандалов и вызвал полицию, зачинщик, предварительно указав на Асю, благополучно испарился со двора под крыло к нянюшке. Прибывшим ювенальщикам подростки также указали на девочку с собакой как на инициатора происшедшего. Как говорится, виноват оказался один лишь «стрелочник». Так проще.

Ну, а дальше по схеме: беседа с родителями, составление протокола, наложение солидного штрафа за порушенное городское имущество, визит назавтра ювенальной полиции в гимназию и последующие оргвыводы администрации. Спешно всех учеников первой смены собрали в спортзале и выставили Асю на судилище, чтоб и другим было неповадно. Приятного мало... Однако всё это прошло вроде

как мимо сознания девочки, в стрессе она отгородилась от всего происходящего, очутилась будто в аквариуме – звуки доходили до нее как сквозь толщу воды, взгляд по обыкновению был опущен, так что она почти и не слышала нотаций, не видела строгих осуждающих взглядов педагогов и насмешливых – гимназистов. В ушах стоял только визг матери в тот злополучный вечер: «Лучше бы тебя вообще не было на этом свете!!!», а перед глазами – ее искаженное ненавистью пьяное лицо с размазанным макияжем и разъявленным криком ртом...

...«Господи, дай мне силы прекратить это мучение... Страшно... Как страшно... Мне будет сильно больно или я мгновенно умру и ничего не почувствую? А сколько я буду падать – одну, две, три секунды?..»

Девочка, перегнувшись через парапет, неотрывно смотрела на проезжающие внизу машины и снующих по тротуару людей, но никого и ничего в отдельности она не видела – все слилось в единый живой поток, к которому уже не хотелось иметь никакого отношения. Зажмурившись, она качнулась вперед, порыв ветра будто подталкивал ее – расправь крылья, лети...

И в этот момент девочка услышала совсем не похожий на обычный, какой-то сдавленный и хриплый голос матери:

– Ася, дочка! Асенька, иди ко мне, – женщина тянула руки, высунувшись наполовину из квадратного проема, ведущего с техэтажа на крышу.

Девочка обернулась, но глаза в слезной пелене ничего и никого не видели. Мать всего в нескольких шагах от нее. Вроде бы близко, если не учитывать, что дочь была на краю и до гибели ей не оставалось и полушага – лишь оттолкнуться посильнее.

– Прошу, только не шевелись... – Нэля потянулась к дочери и неожиданно и вроде как неуместно добавила: – У тебя... косы растрепались...

Ася невольно привычным движением, но медленно, как сомнамбула, попыталась поправить прическу. В этот момент мощным рывком тренированное тело женщины выхлестнулось из проема, сильная рука ухватила девочку мертвой хваткой за щиколотку и мгновенно сдернула ее с парапета...

Они еще долго сидели, обнявшись, на крыше.

– Прости меня, доченька, прости... Я ведь только сейчас поняла, что никого дороже тебя нет... Прости... – Мать будто укачивала девочку. Поднявшийся ветер распустил шикарные Аськины косы, и они колыхались пепельным шлейфом. Начинался дождь. – Пойдем домой, родная, теперь всё у нас с тобой будет хорошо. Я никому не дам тебя в обиду, моя хорошая. Никому и никогда. Веришь?

...Обнявшись, две фигуры медленно брели по двору под совсем не холодным сентябрьским дождем. За ними еле ковылял уставший мопс, не сводя глаз-маслин со своей хозяйки.

«Как хорошо, что дождь – слез не видно», – думала девочка. «Господи, благодарю тебя, что успела», – думала женщина. О чем думал промокший старый мопс – можно только догадываться.

